

Братяширман и рыжий мальчик

Так уж сложилось, что вернувшись осенью 1944 года из эвакуации, наша семья была вынуждена поселиться не в родной квартире на Софиевской, откуда мы в 1941 ушли из Одессы пешком по Николаевской дороге, а в коммуналке на Садовой, № 6. Вспоминаю, что тогда я вовсе не был этим огорчен и не разделял разочарования и обид взрослых. Мне наш новый дом нравился. И вот почему.

По соседству слева находилась грандиозная развалка Главпочтамта (так в послевоенной Одессе называли здания, разрушенные во время войны), и все окрестные пацаны, в том числе и я, играли здесь в казаков-разбойников.

Справа же, на Садовой, 2, находился цирк! Вернее, его тыльная часть, откуда вел путь на балкон и галерку. Билеты сюда были самыми дешевыми, но зато зрители сидели, а "галерочники" — стояли под самым куполом. Сюда-то и я ходил с родителями, но чаще "проканывал" в шумной толпе, грохочущей ботинками и сапогами по ступеням железной лестницы.

Теперь, спустя много лет, я понимаю, что билетеры не очень-то охотились на безбилетных — послевоенная Одесса была милосердной и снисходительной к инвалидам и детям, среди которых было немало сирот...

Но вернемся в Цирк моего детства. где уже ярко вспыхнули фонари и прожектора, прогремел вступительный марш, и Николай Львович — импозантный, во фраке и с черной бабочкой (потом я узнал, что он — шпехтальмейстер), уже объявил первый номер большого представления с двумя антрактами. Как правило, его открывали жонглеры, акробаты, а затем действие перемещалось с арены к куполу — на радость тем, кто прошел в цирк с Садовой, № 2. Мы оказывались буквально лицом к лицу с тремя дамами крепкого телосложения, затянутыми в смущающие меня костюмы (я полагал их купальниками). Вот Сестры Кох под тихое "Ап!" старшенькой внезапно и синхронно кувырнулись на трапедии и повисли головой вниз, и начались их гляделки со смущенным пацаном, не знающим, куда деваться от их пытливого тройного взгляда из-под насурмленных ресниц...

Затем к нам, на галерку, не спеша и помахивая веером, чтобы сохранить равновесие, поднялся лидер канатоходцев (тоже — семейное дело), а за ним, переводя на ходу дух, — жена и две дочки, что вызвало оживление среди молодых инвалидов в солдатских шинелях и матросских бушлатах...

Но я в те годы (да и сейчас — тоже) из всех цирковых был более привязан к клоунам. Может быть, тому способствовал мой непоседливый нрав и склонность к эскападам, но, вероятнее всего, причина содержится в цвете моих волос — огненно-рыжим в детстве, да еще во вздыбленной в ту пору шевелюре.

Так или иначе — именно клоуны олицетворяют для меня Цирк, а с годами я нашел подобное признание в дневнике Федерико Феллини.

Первым клоуном, который произвел на меня сильное впечатление, был Карандаш со своей собачкой Кляксой. Он был уморителен, я хохотал над его проделками, но аплодировал ему хотя и щедро, но все же, скорее, как гостю — яркому, мастеровитому, но гастролеру, который укатит в столицу и забудет обо мне.

Но вот однажды Николай Львович объявил своим зычным голосом: "Весь вечер на манеже БРАТЯШИРМАН!" (так уж мне послышалось). И на ковер выбежали, спотыкаясь и толкаясь, три небольших человечка, из которых лишь один внешним видом напоминал клоуна — он был в смешной маленькой шляпе и пестром пиджачке, но по ходу действия преобразался в циркового пожарного Чижикова. Второй из "братьев" был типичным резонером в визитке с бабочкой и напускал на себя важность, полагая себя вторым, а то и первым, Николаем Львовичем. Третий же, в фуражке-мичманке и тельняшечке, мало чем отличался от тех зрителей, которые толпились, как и я, у барьера галерки.

Разные характеры, разные костюмы, разные роли в искрометных миниатюрах, но во всем этом было главное — родное, одесское. И дело даже

не в нашем общем выговоре шипящих и тех еще интонациях. Сюжеты интермедий были построены, как говорится, на местном материале. При этом не только реалии, но и второй, третий план разыгрывавшихся сценок из нашей жизни были близки и понятны одесситам, хотя, как известно, братья Ширман имели большой успех по всему СССР.

Тогда, в начале 50-х годов ушедшего века, я вовсе не воспринимал их как родственников вроде сестер Кох, скорее — как смешное и трогательное трехголовое существо БРАТЯШИРМАН... И все же, признаюсь, что особо выделял ОДНОГО и следил за ним с далекой галерки, и мечтал, чтобы он поднялся к нам с арены по натянутой проволоке в своей шапочке...

Удивительно, но сегодня я уже не помню, был ли у него рыжий парик, но он был мне сродни...

...Братья Ширман вошли в золотой фонд Советского цирка. Как я позднее узнал, они родились в Одессе, здесь же стали артистами. Старший Александр (тот, что с бабочкой) и двое близнецов — Михаил в мичманке и Роман. Рыжий клоун моего детства.

